

СЕРГЕЙ РЕШЕТНЕВ

Вытрезвитель

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Сергей Решетнёв

Вытрезвитель

«Издательские решения»

2015

Решетнёв С.

Вырезвитель / С. Решетнёв — «Издательские решения», 2015

12 рассказов о жизни в провинции. От абсурда до философской притчи, от приключений до натуралистического бытописания, здесь кипят страсти и ведутся философские диалоги, люди взрослеют, проходят через испытания, находят любовь, всё, как в больших городах, но, быть может, чуть-чуть больше простоты и честности в людях, больше жестокости и милосердия.

© Решетнёв С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Сердцебиение	6
Плохой любовник	11
Приключения Мухина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вырезвитель
Сборник рассказов
Сергей Решетнев

© Сергей Решетнев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Сердцебиение

Тридцатьдевятый день рождения вообще не хотелось праздновать. Хотелось тихо посидеть дома. Тем более будни. Ну, почти так и получилось. До субботы держал глухую оборону. Но перед выходными нарисовались друзья. Старые друзья, все как один моложе, а значит, оптимисты. Пороха не нюхали.

Тридцатьдевять лет это уже старость. Это такая старость, что просто никого не хочется видеть. Потому что ничего не сделано по Чехову. А всё – по Достоевскому. То есть – по идиотски. Несть числа бедолагам, таким как я. Только многим всё равно, они не рефлексируют, а я вот даже слово такое знаю – «рефлексия». Верный путь к депрессии. То есть – хандре, каковая у нас за болезнь не считается.

И появились друзья. Танк, Горец и Садовод. Танк был на машине. Ну как на машине... на Жигулях. Цвета зимы. Права у него забрали ещё в мае. За вождение в нетрезвом виде. Дело в том, что Танк живёт один. Четыре года он строит дом. Он его уже построил, хороший дом, в три этажа. Но осталась внутренняя отделка. Бесконечный процесс. По будням в рабочее время Танк пашет, как трактор, чтобы заработать на расходные материалы для внутренней отделки дома. А вечерами и в выходные Танк занимается внутренней отделкой дома. Так что Танку не до личной жизни. Да и друзей он видит редко. Потому что дом Танка стоит на окраине, да ещё и на горе, куда ведёт петляющая между садовыми участками ухабистая, извилистая... не дорога, а так... колея. Поэтому без машины Танку никак нельзя.

Иногда Танк срывается. Ему надоедает зарабатывать и отделять. Он хочет общения. Мы берём пиво, и бьёмся всю ночь по сети. Мы оба привязались к этой стратегии, к одной карте. На этой карте разыгрывается наша драма. Каждый раз одна и та же, и каждый раз разная. Как в мистическом аду, сталкиваются две армии, русские наступают на немцев, фашисты прут на советских, снег, лязг гусениц, выстрелы, взрывы, кровь, пиво, рыба или шашлык, и снова снег, лязг гусениц, «Яволь!», «Будет сделано!», взлетающие к небу деревья, распадающиеся на брёвна избы, осыпающаяся кирпичная кладка многоэтажек, остовы подбитых машин, зловещий гул самолётов. К утру число погибших с обеих сторон переваливает за десятки тысяч. Но может всё закончиться и молниеносно, так как планировали фрицы – блицкригом. А – не зевай!

Все проблемы: нехватка денег, личная жизнь, дурость начальства, мировая политика и вселенские катастрофы – всё исчезает. Остаётся только это поле битвы. В голове словно открывается форточка, помещение проветривается. Мозг блаженствует, отдыхает. Вернее та часть сознания, которая ответственна за... всё за успешное выполнение работы, плана, за семью, за гражданский долг. Зато просыпается дремлющий полководец. Персонаж, живущий в тебе, но нафиг не нужный в реальном мире. Всем до фонаря, что он у тебя есть, что он живёт и требует реализации. А тут он главный. Тут ему есть, где развернуться.

Другое дело сисадмин Горец. Ему наша детская стратегия кажется допотопной. В том мире, где обитает он, иные размеры оперативной памяти, жесткого диска, скоростей интернета и символов в пароле. Жизнь Горца выстроена с математической точностью – правильно. Правильная жена, отменная тёща, правильные дети: мальчик и мальчик. Он молодец. Он работает в солидном фонде, он купил дом на горе, потому и Горец. Такие люди продолжают род человеческий, благодаря им цивилизация жива и не сошла с ума. Он дружелюбен, но никогда не даст ни себя ни близких в обиду, он умён, но прост, он любит повеселиться, но знает меру.

Проблема одна: вся его вселенная, постепенно, со временем закругляется, замыкается в семью, даже мы, друзья уже очень редкие гости. Ну, разве, что Танк, который сохраняет с женой Горца хорошие отношения. Мы же с Садоводом утратили запас доверия (как показали дальнейшие события – мнение жены Горца было о нашей компании правильным).

Непонятно всё же, почему Наташа (жена Горца) не любила Садовода. Садовод, в отличие от меня и от Танка, был, как и Горец, вполне себе семьянин. Вся его страсть к жизни – дом, жена, сын, сад, огород. В деле домоводства он стал педантом и академиком. Где бы Садовод не оказался – на берегу дикой горной реки или в пустыне, он тут же начинал обустраивать территорию, неизвестно откуда посреди безжизненного пейзажа появлялись стол, навес, очаг, шахматы и настольная лампа, которая чудом работала без всякого электричества. Он сам всё сделал в своей квартире, от шпаклёвки до полок. Он мог часами вдохновенно рассказывать, как лучше выращивать и хранить капусту, какие виды затирки существуют, и чем отличается оттенок «белоснежный» от оттенка «молочный». В общем, мы его сильно любили, поскольку слушали и терпели его неторопливую обстоятельность во всём.

Да, четвёртым был я. Старшим, но не самым мудрым. Иначе бы не допустил того, что произошло дальше. 39 лет, а ощущение, что жизнь прожита, ждать больше нечего. Нечего добиваться, не о чем мечтать. То есть мечтать, конечно, можно, но что толку? Если был талант, то уже бы проявился, были бы способности, уже бы реализовались. Весь капитал – в душе, да и оттуда потихоньку утекает в небытию через дырочки забвения.

Есть жена, но нет детей. Есть любовь, но нет счастья. И самое главное, что ощущаешь, что по каким-то там вселенским расчётам – всё правильно, всё так и должно быть. Иногда просыпается желание всё изменить. До первого понедельника, первой серьёзной проблемы, преграды. Обезволивание организма перед лицом надвигающейся неминуемой кончины.

Но впереди ещё множество печальных дней, которые надо было заполнить какой-нибудь галиматьёй. Если жизнь не вышла счастливой, то пусть будет, хотя бы, смешной.

Но друзья не оставляют в покое, даже пусть ты и полон пессимизма. Друзья приходят на помощь, даже если ты не хочешь их видеть. В этом особенность настоящих друзей. Они сами покупают водку и мясо, они сами планируют вечер, и только звонят тебе и сообщают, что намерены отметить твой день рождения, с тобой или без тебя – не важно, главное, что они соберутся, сделают очень вкусный шашлык, а ты... жопа такая, будешь кусать локти. Устав от их анатомической нелепицы соглашаешься.

Жена милостиво разрешает тебе загулять. И ты готов носить её на руках. Это же золото, а не жена, ну кто ещё может разрешить провести время в такой шизанутой компании. Правда оно добавляет: «Передай Танку, если будут бабы, подожгу дом!» Мило улыбаешься, пытаешься шутить и оправдываться в ответ, но понимаешь – это не пустая угроза.

Вверх, до резиденции Танка просто взлетели. Это похоже на бобслей, только здесь машина катила вверх. Мы то наезжали на левую обочину, то на правую, давая крен то на один, то на другой бок не меньше сорока пяти градусов. Хором кричали Танку: «Осторожнее, блин! Перевернёмся же, придурок!» И думал: «Когда-нибудь перевернёмся. Точно перевернёмся. Все перевернёмся».

Танк вообще любил гонять по гребням гор, по самым непроходимым, крутым и необъезженным дорогам. Особенно на мотоцикле. Однажды я согласился проехаться с ним в коляске. Мы не свернули шею только чудом. Мы мчались по майской грязи, рискуя поминутно сорваться по склону вправо или влево. Танк довёз нас до очередного острого горного гребня. Оттуда открывался невероятный вид во все стороны. Там можно было сидеть часами, просто сидеть и смотреть на город, на далёкую реку, на бескрайние перелески, холмы, взгорки, далёкие синие горы. Там всегда был ветер. И длинные сочные травы красиво стелились по этим ветром. И пахло этими травами, дымком и немного бензином от мотоцикла. И Танк всё спрашивал: «Ну как? Ну как?» «Да, здорово», – отвечал я. Но танку было мало, он не верил, он хотел полного восторга, он желал разделить ощущение от этой бесконечности, высоты, свободы. И было даже приятно его немного мучить, сдержанно выражая свои переживания.

Всё делается быстро. Хотя и вечер пятницы, хотя меня, Горца и Садовода жёны отпустили часов до двух ночи. Всё равно, мы понимаем, что нам этого времени наговориться будет мало. Мы быстро пьём, быстро разводим костёр, замирая на миг, восхищаемся видом с танковой террасы у дома (ночной, заснеженный ландшафт с редкими огоньками на противоположном склоне горы), восхищаемся, снова поднимаем стопки, обмениваемся новостями, спорим, навздёвываем мясо (руки стынут на морозе), шкворчит сало, на угли падает жир, вспыхивает пламя, посыпаем снежком, снова поднимаем стопки, наконец, за меня, за мои года, чёрт бы их побрал. Ждём шашлык, замерзаем, идём в дом, сидим на кухне в подвале, треп, треп, треп. Вспоминаем про мясо. Выходим наружу. А, не сторело! Снимаем, навздёвываем новую порции. Едим, пьём, смеёмся. Выбегаем на улицу, мочимся в снег все вместе, выстроившись в ряд, глядя на луну. Снова шашлык, водка, смех. И тут как-то всё притормаживается, пробуксовывает. Разговоры пошли по кругу. Танк дарит мне книгу. Маркеса про колумбийского моряка, которого выбросило волной за борт, и он несколько дней плыл по морю на плоту, один.

Включаю ноутбук. Так-то планировался батл. Но Танк отвергает эту идею. Компа два, а потенциальных участника четверо. Кому-то придётся поскучать, не справедливо. Да и не такие уж поклонники нашей игры Садовод и Горец. Они хотят общения.

Из нас четверых у меня одного нет прав. Но я готовлюсь. Уже полтора года. Включаю программу сдачи экзамена ПДД. Знающие друзья подсказывают, и чаще неправильно. Как они вообще получили права? Пять попыток и всё без толку. Ладно, или они уже настолько хорошие, или правда подзабыли правила. Ну их, пора домой.

Сначала как-то все возражают, мол, мало посидели, надо ещё, да ещё рано. Куда рано-то? – два часа уже. Ладно, все понимают, когда-то и этот праздник закончится. Собираемся. И тут Танк предлагает нас подвезти. Ну, не до дома, а так, вниз, до стоянки такси. Он горячо спорит с нами. Ну, какие в его районе могут быть гаишники, в три часа ночи-то, в ночь на субботу? Мы вяло советуем ему сидеть дома, мол, сами доберёмся. Однако – вяло, всё-таки приятно проехаться с комфортом. Хотя какой у Танка в машине комфорт: заднего сиденья нет. Садимся с Горцем на канистры. Садовод на пассажирское сиденье впереди Он, единственный, пристёгивается. А Танк, мало ему алкоголя в крови, берёт с собой на колени кота Кузю. Даже в усевшись в авто, мы продолжаем вяло уговаривать Танка не отвозить нас. Ну, хотя бы не гнать. Танк отвечает что-то вроде: «Всё нормально, я – трезв!» Охотно верим. На улице Танка никаких фонарей.

По газам, разворот, чуть не сносим соседский забор. Из под колёс – лед, снег. Дорога резко падает вниз по ледяной глубокой колее. Потом взмывает резко вверх, опять же по колее.

Ровная площадка, нас заносит то вправо, то влево. Кричим втроём – Садовод, Горец и я: «Тормози! Тормози! Эй, потише на поворотах, перевернёмся же!» Танк отвечает смехом и коротким словом: «Не ссать!» Орет музыка из колонок сзади. Мы взлетаем ещё выше в гору, нас бросает с обочины на обочину, благо обочины здесь закругляются вверх, и мы не улетаем с дороги чудом. Достигаем пика, и ухаем вниз, вдоль тополиной аллеи, подлетая на замёрзших кочках, урча и позвякивая. Мы несёмся вперёд мимо спящих частных домов. Где-то там, между силуэтами спящих зданий и сквозь дыры заборов проступает яркими огоньками город, растянувшийся между горами, как бомж между сугробами, обмотавшийся горячей новогодней гирляндой. И плевать ему на мороз, и на свой вид, он видит сладкие сны в водочно-пивном токсикозе.

Резкий поворот направо, заносит зад влево, Танк пытается выровнять машину, бешено крутит руль, теперь нас заносит вправо, больше выровнять машину не получается. «Любое мгновение может стать последним, и даже это... вероятнее всего это», – совершенно спокойно подумал я. Я, который так боится смерти. Засыпая в постели. Просыпаясь утром, и думая о наступающем дне. Посреди суеты буден. В самом разгаре праздников. И особенно в тиши одиночества. Я был совершенно спокоен. Я ещё крепче взялся за ручку над головой слева левой рукой. Прижал рюкзак с ноутбуком к животу, вжал голову в плечи, согнул спину колесом и приготовился к удару.

Мы врезались точно центром бампера в железный столб забора какого-то заброшенного гаража. Вывернули столб вместе с бетонной основой. Машина плавно встала носом к центру Земли, хвостом к центру Вселенной, потом так же плавно повалилась на бок и перевернулась, опустившись на крышу. Музыка смолкла. Тишина. Темнота.

Полная ясность сознания. Я быстро нашёл ручку, перевернулся, открыл дверь. Выполз из машины. Почему-то пришла мысль о том, что она может взорваться. Как в кино. Но страха опять не было. Алкоголь? Адреналин? Сердце билось спокойно. Впервые за много месяцев я был абсолютно спокоен. С тех пор, как умерла мама. Не мог спать. Сердцебиение, сердцебиение. Никак его не успокоить. А тут такое спокойствие. Потом чуть тревожно стало за ребят. Хотя если я цел, то и с ними, верил, ничего не случилось серьёзного, но всё же, мало ли... «Эй, там, как самочувствие?!» Тишина. «Ну, хватит, давайте, выбирайтесь! Вова!» Слава богу, ответил! «Я» «Живой?!» «Живой». Горец выбирается из моей двери наружу. «Как ты?» «Нормально». Подходим с двух сторон к передним дверям. «Эй, там, в подводной лодке. Потери есть?» Молчание. «Бляха-муха, живы вы там?! Костя, Саша!» «Да живы, живы» «Выбирайтесь!» «Дверь не открывается». Танк и Садовод выползают на карачках через разбитое заднее стекло. При этом садовод режет руку. Это единственное ранение на четверых. Танк выглядит потерянным. Естественно – он вёл машину, и машина эта – его.

Авто лежит на крыше с краю дороги. Танк спрашивает Садовода: «Выключил?» «Выключил», – отвечает Садовод. Что он там выключил, если за рулём был Танк? Вокруг разбросаны канистры, на которых мы с Горцем сидели. Валяются колонки. На обочине сидит пушистый комок – это кот Кузя. Живой. Все живы. Мы начинаем смеяться. Материм Танка. «Говорили тебе, сука, не гони, не гони!»

Решаем что делать. Откуда-то появился человек, спрашивает, нужна ли помощь. Отказались, всё в порядке. Полицию, конечно, не вызываем. Прав-то у водителя нашего нет. Пытаемся перевернуть машину, раскачиваем, напрягаемся. Хорошо, что я в перчатках. Но машина катится вниз, скользит, крутится на крыше. Ситуация критическая, но я по-прежнему спокоен.

Жалка Танка, но всё же – внутри какая-то спокойная радость: это – приключение! Мы обманули смерть! Мы – дураки, алкаши, придурки, но мы обманули смерть.

Прикидываю, что чуть ниже по дороге стоит магазинчик-вагончик, возле него с нашей стороны небольшой бетонный бордюр, если подкатить к нему машину и упереть в него, вполне можем перевернуть. Предлагаю свой план. Спорим, пробуем перевернуть на месте. Неудачно. Решаем всё-таки толкать до магазина. Машина скользит. Весело. Больше всего Горцу и мне. Садовод рассказывает как он по-настоящему испугался за нас и за себя, за то, что дети Горца и его сын останутся без отцов.

Толкаем, катим машину. Успел надеть рюкзак. Кузя идёт за нами. Колонки и канистры положили внутрь. Наконец, упираемся в бордюр, пробуем перевернуть. С первого раза не получается. Мимо идёт поздний прохожий. Парень предлагает свою помощь. Впятером мы переворачиваем автомобиль. Победные крики. Мы радуемся так, как будто совершили что-то значительное. Машина встала днищем на ступеньки. Танк забирается внутрь, пробует завести. Чудо! Завелась. Прокорябав дно о ступени, Танк съезжает к дороге, вырывается вверх, кричит нам, что доедет до дома и вернётся. Передаем ему в разбитое окно кота и переднее стекло в резиновой окантовке. Танк, громохоча и скрипя, уезжает.

И тут нас пробивает на смех. Всё-таки мы пьяные. Мы вспоминаем подробности происшествия. Смеёмся над своими страхами. Садовод рассказывает, как повис на ремне безопасности и не мог освободиться. Горец потерял ориентацию. Мне – хорошо, сердце бьётся ровно и спокойно. Я – с друзьями, мы попали в переделку, нам будет, что вспомнить потом, нас объединяет это событие, у нас есть общая история, наша дружба продолжается. Мы победили ситуацию, мы вышли вместе из боя. Может быть, нам действительно не хватает войны? Мы раскисаем в этой повседневной каше дней, нас разъедает ржавчина повседневных забот. Разве мы созданы были для этого? Наши сильные мужские организмы, неужели они для офисов и уютных диванов? Неужели наш мозг только для того, чтобы соображать: как больше заработать, как понравиться девушкам, как поменьше делать и побольше отдыхать? Чтобы принять какое-то важное решение мы советуемся со своими родителями или жёнами. Мы берём не высоты и города, а бытовую технику.

Возвращается Танк, пешком. Сочувствуем ему. Погрустневший друг просит простить его: «Я рисков вашими жизнями. Я – виноват». Мы хлопаем его по плечу. Мы счастливы, что живы. Не знаю как остальные, но я даже благодарен, что он снова дал мне почувствовать вкус жизни.

Я предлагаю ещё раз осмотреть место аварии – на всякий случай. И не зря. Находим номер. Да-а-а, оставь мы его здесь, Танка бы быстро вычислили, и неизвестно какое завершение имела бы эта история. Снова радуемся своей проницательности, удачливости, и тому, что всё обошлось. Но все заканчивается. Нас ждут дома, звонят наши жёны... Да... в ближайшие полгода нам вряд ли суждено теперь собраться такой компанией. Вряд ли нашим половинам понравится случившееся. А как им объяснить, что нам надо встречаться, пусть даже этот риск.

Танк уходит домой. Мы спускаемся вниз, разъезжаемся, возвращаемся по домам. И возвращается сердцебиение. Тревога. Страх. Почему мне не было страшно, когда было опасно? Почему мне страшно теперь, когда опасности нет?

Плохой любовник

Мне казалось, прошла вечность с того момента, как я осознал своё желание. И еще вечность с того дня, когда я стал думать, что со мной это никогда не случится. Просыпался в сладкой истоме, и, тихо мучаясь, бежал стирать трусы. Волшебный флер и всякая романтическая дребедень соседствовала в моей голове с грубым бытом.

«Сексуальность» Игоря Кона на книжной полке прижималась к Библии. Я с трудом пробирался через два этих гипертекста, отвлекаясь на облегчающие плоть, но отяжеляющие душу фантазии.

Ut ameris, amabilis esto. Хочешь быть любимым, будь достоин любви. Я старался. Я учил латынь. Я готовился в институт. Сочинял стихи. Давил прыщи. Перешел с электрической бритвы на станок. Обклеил комнату многозначительными высказываниями и лирическими пейзажами. Я штудировал Камасутру, застреваю на первых страницах. На «Стыдливом объятье» меня бросало в жар, а на «Кабаньем ударе» я переставал улавливать смысл. После разрядки я уже не хотел читать, а до – не мог.

И все же страх, что это со мной никогда не произойдет завораживал, как картина с обнаженной женщиной. Иногда я принимался хохотать, потому что мир вокруг сговорился. Я открывал альбом живописи и умирал в объятьях «Двух таитянок» Гогена, я соглашался идти в кино с друзьями и весь сеанс любовался на шею девушки сидящей передо мной, природа была полна колышущихся при ходьбе узеньких бабочек-юбочек, набухших почек сосков выпирающих на футболках, валунов, омытых бушующей пенной рекой, порванных колготок баскетбольных сеток, мячей всех размеров, пирожков с повидлом, вытянутых дупел старых деревьев, лилий, слов «трахнуться» и «сношаться», и все приводило меня полуобморочное состояние. Я понимал, что крыша моя уже далеко от душевного дома, но тщательно скрывал свой недуг. Конечно, я общался с девушками, у нас была веселая компания друзей, мы ходили в походы, устраивали праздники, но все было настолько целомудренно. А может быть, из страха оказаться несостоятельным, я выбирал какие-то самые безнадежные варианты, то влюблялся в самую активную, то в самую умную, то в первую красавицу, то в девочку такую толстую, что даже она не верила моим признаниям.

Было у меня два друга, братья Михаил и Алексей Секачевы, оба с юными мефистофельскими бородами, еще не женатые, оба учились на физмате. Оба прекрасно играли на гитаре. И Алексей и Михаил женились в одном возрасте, на девушках с одинаковыми именами Елена Юрьевна. Хорошо, хоть детей они назвали по-разному Аня и Андрей, но в те легендарные времена, братцы спали в одной комнате родительского дома. Спали сладко, и когда я за пятнадцать минут до начала первой пары входил к ним, Алексей и Михаил сопели, отвернувшись, каждый к своей стене. Я брал гитару и по причине полного музыкального кретинизма, брал несколько аккордов forte, и выводил старательно: «Над землей бушуют травы// А одно вон то, что справа:// Это я, это я! И мне не надо славы!» Воспитанные в восточных традициях беспрекословного подчинения родителям, они называли отца и мать на вы, а меня жирбосс или кабздец. Надо сказать я приходил регулярно, каждое утро. Разбуженные утренней песней братцы приступали к утреннему туалету, а я пил чай с вареньем на кухне с их обаятельнейшей мамой, которая называла меня Сергунчик, обстоятельно просвещала на тему пользы голодания и ури-нотерапии. Я уплетал ревневое, земляничное, малиновое, и надеялся успеть хотя бы на вторую пару. Алексей вслух комментировал: «Ты к нам приходишь, исключительно варенье жрать».

От возмущения я пытался остановиться, и капал на стол. Алексей дружески злорадствовал: «Где жрем, там и срём». Мама братьев замахивалась на младшего полотенцем, а мне пододвигала варенье поближе: «Кушай, кушай, Сергунчик, скоро пост».

Я попробовал ничего не есть неделю. Мне перестали сниться девушки, на четвертый день я увидел во сне корзину огурцов. Что за огурцы, что за запах! Подушка мокрая от слюны.

Встречались мы и вечерами. Спорили о добре и зле. Вспоминали летние походы. Собирались в зимние. Желательно, чтобы в конце путешествия нас ждала какая-нибудь избушка и печка, пусть железная, но с запасом дров.

Этот вечер был не обычен, присутствовала девушка. Светлана была в короткой юбке (на улице -20), в черных чулках, и бесформенной цветастой кофте. Ну, ничего особенного, восемнадцатилетняя девчонка с большим узким шрамом на лице. Ореховые волосы и рыбный запах. Невысокая, плотная, с красными руками. «Живопись? Люблю живопись». Миша показывает свои рисунки, причем большей частью на конспектах по физике. Ну и заодно – мой шедевр, подаренный на День рождения под названием «Роза и самолет».

«Почему роза и самолет?», – улыбаясь, спросила Светлана.

«Ну, роза, хоть и красива, но летать не может», а самолет, хоть и летает, но не чувствует запаха розы», – пояснял я, смущаясь.

«И как же это можно понять из рисунка?»

«Рисунок только стимул. Понять отношения самолета и розы можно только вообразив».

Она словно погладила меня взглядом. Или мне показалось? Воображение. Я уже был уверен, с девушками мне ничего не светит в этой жизни.

«А можно посмотреть другие?»

«У меня они дома».

«А домой он тебя не позовет, потому что тебя надо будет угощать, а наш жирбосс боится, что ты съешь его варенье», – влез в разговор Алексей.

Я провожал Свету до остановки, мне было по пути. Шла моя семнадцатая осень. Девушка взяла меня под руку. Искрился первый снег, фонари проплывали в волшебных кругах (гало от морозных слез). Ледяной ветер забирался в рукава, а я плавился от избытка эмоций и гормонов, хотя все вместе давало какое-то зыбкое равновесие.

«У тебя есть девушка?»

«Да нет», – тут надо подобрать снисходительную интонацию, типа «не больно-то и надо, знаем вашу евову породу, захочу – свистну, любая пойдет со мной».

«А была?» – двусмысленный вопрос, и «дружил ли ты с кем-то?», и «девственник ли ты?».

«Да так». И тут понимаешь, что тебя раскусили. Пока ты выбирал между правдой и репутацией, тебя уже раскусили, и теперь ты жалкий мальчишка, провожающий сестру. А может, она поняла всё про меня еще раньше, как только увидела.

«Ты можешь меня нарисовать?»

«Тебя? Могу» Совсем идиотский ответ. Ты ведь точно знаешь, что лица у тебя выходят непохожими. А может она хочет не лицо, а... лучше не думать об этом. Но как-то же люди договариваются с натурщицами. «Вру, не смогу, не умею так хорошо рисовать». Ну, и какого черта ты принялся говорить правду? Что за жажда искренности вдруг проснулась?

Упустил я повод ее пригласить.

Жили мы вдвоем с мамой в двухкомнатной квартире. И надо же, мама уехала к родственникам в деревню. Должна была вернуться через день, но разыгралась метель. Трудно было увидеть что-то за пять метров. Вечером погас свет.

Мы возвращались от братьев Секачевых. Ехать Светлане надо было на пригородном автобусе. Мы прятались в остановочном павильоне. Пробирало до костей, а на Светлане всё та же юбка. Все сроки последнего рейса прошли, на остановки ни души, время неумолимо приближалось к полуночи.

«Пойдем ко мне, переночуешь. Мамы нет... Ты в моей комнате ляжешь, там закрыться можно, а я в зале».

«Ну что ж, выхода нет», – глаза Светланы сверкнули из-под темноты обернутого вокруг шеи шарфа и надвинутого на лоб капюшона. В ее словах была ирония, и суеверная мысль мелькнула: «Ведьма! Она и выюгу наколдовала!»

Отступить было поздно.

Развели варенье водой, и пили морс при свечах.

«Выпить у тебя есть?» Тогда именно так и говорили, не «Вино у тебя есть?», а именно «Выпить», потому как популярнее спирта в нашем городе в тот год напитка не было.

Первый раз по-настоящему я напьюсь только спустя полгода, а в ту ночь меня качало и без алкоголя, в такт пламени свечи, которое танцевало, когда мы перемещались в комнату посмотреть мои рисунки, плясало от переключаемых листов, трепетало от дыхания. Наши лица невольно сближались, чтобы лучше было видно, чтобы слышен был тот шепот, на который мы перешли.

Не помню поцелуя. Да он и не был первым в моей жизни. Зато помню, как коснулся губами груди. И удивился – вокруг соска росли волосы. Я замер. А Светлана засмеялась: «Ну, смелей». Снизу шел отчетливый запах испорченной рыбы. Неужели так пахнут все девушки? Меня туда не влекло, я не хотел. То есть хотел, но не туда. Я так хотел кого-то, но чтобы пахло вкусно, чтобы не встречались жестки волосы, а ноги не царапали щетиной... А сам-то ты кто? Успевал вести внутренний диалог я. Лицо в прыщах, а мозг отравлен беспрестанным желанием. Но что это за желание, если в натуральном виде оно не проявлялось? Я упал рядом.

Дребезжало стекло, порывы ветра кричали как стаи чаек, поскрипывала кровать. Её рука схватила мой ненавидимый мною отросток, и я почувствовал агрессивную нежность женских пальцев. Тянем-потянем вытянуть не можем...

И тут я подумал: «Это же мой первый раз» И в сознании поплыли обрывки ночных поллюций, калейдоскоп фрагментов женских тел, скульптур, картин, фотографий, фильмов, воспоминаний. «Она ввела меня в себя. Ого, выраженьице!» – последняя мысль. И я поплыл, теряя сознание.

Светлана стояла надо мной со стаканом воды. Я видел силуэт ее тела и вот это было прекрасно. Глоток, и снова рыбий запах. Тени и блики проплывали по стене. Подводное царство. А Светлана – утопленница. Она давно утонула, и вот сейчас вышла, чтобы и меня утопить. И все повторилось. Поцелуи, руки. И я соскользнул в прорубь снова. Но там была не ледяная вода, а горячее масло. Я чувствовал себя бутоном, готовым раскрыться. Обман, это мой облитуратуренный мозг думал, что я бутон. А тело чувствовало, что его прямо сейчас стошнит,

только рвота пойдет не через рот, а через место, посредством которого я обычно мочился. Там, ниже живота меня стошнило. Я убедился, что прав, после слов моей первой любовницы: «Ай, ай, какой несдержанный мальчик! Теперь придется идти подмываться. Нехорошего мальчика придется вымывать из себя». Да уж, настолько я плох, что недостойн быть в ком-то. Я лежал неподвижно, тело немело и холодело. Не хотелось даже накрыть себя одеялом.

Потом была еще одна попытка. Я продержался дольше, но все время думал: «Теперь мы поженимся, и мне всю жизнь придется целовать эту волосатую грудь, а постель будет пахнуть трюмом рыболовного траулера».

Однако я уже понял, что ничего не умею. А мой учитель хихикал – все еще впереди! Она была довольна, говорила, ей достались сливки. Рассказала про свой первый раз. В 12 лет ее изнасиловал родной дядя на чердаке. Зажимал ей рот, и сказал, что если проболтается, убьет. А потом у нее появился Олег. Сильный, смелый. Она заявила дяде, что если еще раз он заставит ее идти на чердак, то она расскажет Олегу. И дядя отступился. С Олегом она вытворяла такое, «о чем ты даже мечтать не смеешь», говорила Светлана. Если бы она меня любила, то сделала бы так, что я бы сошел с ума от нее, получил бы неземное наслаждение. Но она не может, такие ласки от нее получит только Олег.

«Тогда зачем же ты со мной?»

«Олег в армии. Ему еще год служить. Но он уже разбудил во мне женщину. Жить без этого дела невыносимо. А ты – чистый мальчик, ты трепаться не станешь. Зато я останусь у тебя первой. Это навсегда, запомни». Стало грустно оттого, что я чего-то никогда не узнаю в постели, но одновременно возникло и облегчение «Этот роман не навсегда».

«Мы должны быть осторожны. Если мой брат узнает, он тебя убьет. Они с Олегом друзья. Мой брат поклялся беречь меня, пока Олег в армии».

Может быть, у меня все получилось бы как надо, если бы Светлана была терпеливой и ласковой. Я думал, что после первой ночи она больше не придёт, слишком разочарованна.

Но она приходила почти каждый день, после работы. Мама деликатно шла в гости. А Светлана раздевала меня.

«Маленький стесняется? Нечего стесняться. Я же вижу тебя насквозь. Ты же хочешь снова в мою дырочку? Сучёнок ты, маленький, вижу, хочешь. Не жмись, тварь. Ну-ка уברי руки. Стой, смирно. Светочка-конфеточка тебя разденет». Она вталкивала меня в себя, ведь моя гиперсексуальность не проходила, белая рвота моего члена не приносила мне облегчения. Давай, мальчик, глубже пронзи мне, насади меня, проколи насквозь... Быстрее!.. Медленнее!..» Я терялся, все путал, делал невпопад. «Ах ты, сучонок, опять в меня кончил! Опять придется всякую дрянь глотать». Я чувствовал себя виноватым, грязным. Снег, выпавший в первую ночь перестал быть белым, копоть котельных покрыла его. Каждый раз я надеялся, что она больше не придет.

Но она приходила. Если не было секса, она рассказывала про Олега. В ее историях он все время совершал героические поступки: отбивал ее у местного авторитета, крал на несколько часов машины, чтобы покатать Свету, отрывал зубами голову курице, чтобы повеселить местную шпану, пьяную уносил ее на плече с гулянки, и так трахал, что «сердце поднималось к горлу, а ноги несходились неделями». «Кулак у него вот такой, четыре моих, а он брал и в меня

его полностью вталкивал, представляешь? А потом на этом кулаке поднимал над собой. И как гирю поднимал, опускал...»

Она рассказывала, как ездила к Олегу в армию в Подмосковье. Три с половиной тысячи километров автостопом в один конец. Как на обратной дороге у нее где-то на Волге закончились деньги и ей пришлось работать. «А кем, тебе знать не нужно».

Я решил обрить голову. Так я, наивный, хотел ее отпугнуть. Непривычные ощущения. Будто я в какой-то клетке гладкой, а череп это что-то инородное, чужое. А я маленький, сижу внутри, и очень хочется из кости вылезти, холодок такой вдоль позвоночника пробегает: «Так в этой тюрьме и помру. Жалко себя до слез». Не успел я кровоподтеки от порезов смыть, звонок в дверь. Она. Долго пыталась меня: зачем я это сделал. Я сказал, что не хочу, чтобы она со мной встречалась: любовник я никакой, а она должна быть верна своему Олегу.

И вдруг она расплакалась. «Ты меня не любишь? Я тебе надоела? Я ради тебя верность своему парню нарушила, каждый день рискую, что меня брат приберет, а ты?» Я опять чувствовал себя виноватым, теперь еще и за то, что не оценил преподнесенного мне дара.

Я оправдывался и утешал.

«Ты обещал меня нарисовать».

«Нужно время, а у нас его нет...»

«В субботу поедем на пасеку».

«Поедем» – сильно сказано для пешей загородной прогулки. Это сейчас у людей «Бураны» и прочие снегоходы, а раньше тройки и верные иноходцы. В те же дни громыхал жестяной автобус полчаса до окраины. А потом мы часа четыре шли пешком. И слово «шли» тоже не совсем подходит, ползли по сугробам. Закончились лыжные трассы урочища Еланда и мы буквально поплыли по снегу, то по пояс, то по грудь. Ломали корку наста, взбираясь на взгорки. Сыпалась ледяная серая крошка. А внизу снег был рыхлый, белый. Небо загустело плотной синевой. Взошла луна. Какой волшебный горшок наварил столько манной каши? Деревья в ложбинах казались притаившимися людьми.

Я устал, вспотел, ноги были мокрыми. Я проклинал эту «поездку», себя самого, Свету и всех женщин, природу, подарившую мне адские желания и наделившую, одновременно, стыдом, разумом и моралью. Зачем? Сколько бреда я по этой бриллиантовой пустыне? Космические холмы покрытые снегом, по которому можно плыть. И других людей, наверное, не осталось, а мы, последние, обречены совокупляться и продолжать свой род. Я молчал и с остервенением шел вперед. Когда я оглядывался, Светлана улыбалась. Кроличья шапка-ушанка, ватник, толстые спортивные штаны, одетые поверх валенок, все это ей шло. Она казалась совершенно неуставшей, подскочила ко мне, повалила снег.

Мы боролись, брызгались ледяной крошкой. Целовались, повалились в снег, закапывали друг друга в сугробы. Я чувствовал себя счастливым. Я увидел хохочущую девчонку, открытую, радующуюся моей усталости, угрюмости, миру в желтом свете, колючему насту, запахам талой воды, моим губам. Ощущал это пылающими щеками, мокрой одеждой, холодом за шиворотом, горячим дыханием прерывистым и глубоким, как снег.

Дальше дорога шла веселей, вернее бездорожье. Мы скатывались в овражки, врывались в кусты ломая тонкие ветви, казалось, без цели, без времени. От луны было очень светло.

Показалась пасака. Несколько строений, точно придавленных к земле снегом, ни следов, ни огней. Ульи сравнялись с сугробами. В потайном месте нашли ключ. Ворвались в помещение с маленькими окошками. Затеплилась керосиновая лампа. Стол, самодельные стулья, двухъярусные нары, крохотные окошки, железная печка. Ломом раздолбив обледеневшую поленницу, я занес дрова в дом, запахло сосновой сыростью. Расщеплял дрова топором прямо в доме. Печка радостно затрещала. Светлана накрывала на стол. Я чувствовал себя настоящим мужчиной. Представлял, что Света моя жена. И эта мысль уже не виделась такой уж дикой. Мы развесили мокрую одежду, расставили обувь возле печки. Сели за скромный стол. Хлеб, лук, сыр. Чай решили заварить прямо в зеленом железном чайнике. С этого напитка и решили начать трапезу. Обжигаясь, я сделал несколько глотков и выплеснул все на пол. Во рту был совершенно непривычный вкус. Всё, что угодно, но это – не чай!

А Света уже упала грудью на стол от хохота. В полутьме кубик индийского чая совершенно неотличим от брикета махорки. Чая в избушке вообще не было. Тогда мы оделись, и Светлана повела меня в ложок к роднику.

Незамерзающий ключ окружен совершенно космическими наплывами льда, ветви низких ив обледенели, кое-где срослись затвердевшей водой в прозрачные пластины, а в глубокой чаше источника стояла фляга, наполненная морсом из клюквы.

Ягоды плотные, как соски Светланы, кислое холодное питьё, жар и треск печи, полутьма. Запах сырого белья, меда, пота, махорки и женщины. Мы ложимся на тулупы, матрасы, разбросанные на полатах, и разговариваем. Рука находит мех межножия, но я не могу даже коснуться ее лона. Для меня это невыносимо, невозможно. И снова она снимает с меня штаны, выпускает наружу все мои помыслы и вталкивает меня в себя. Неужели так натопили, я мокрый, меня стягивает, сдерживает одежда. Я снова иду на штурм, не понимая, что эта крепость требует не натиска и бури, а ритма и чувства. Светлана смеется подо мной, ей весело. Ну, научи же меня, научи, как сделать тебя счастливой? Почему ты не хочешь мне помочь, почему бросила меня одного наедине с собой? Мне и хорошо и плохо. Мне – животному – хорошо, но то, что я чувствую себя животным, мне, человеку, мне книжнику, ботанику, плохо. Ах, как неприятно быть отстающим. Но как приятно быть и быть в женщине, с женщиной. Я чувствовал это во второй раз в жизни, но было, как в первый. Еще одно открытие: секс не запоминается во всем богатстве, во время – не до этого, после – всё блекнет.

«Я плохой любовник?»

«Конечно, но ты хороший мальчик».

О, время, без сотовых телефонов, без спутниковых антенн, без «Буранов» и джипов, без точки G и Интернета! Познал ли я женщину? Нет, я почувствовал, но не познал. Я подумал, что познать женщину, значит уметь жестом, словом, прикосновением сделать ее счастливой. Я же не мог сделать ее счастливой, а только стыдился собственной радости – я стал мужчиной. Впрочем, неужели это и делает мужчину – мужчиной?

Зато мне хватало десяти минут, чтобы восстановить силы и снова идти в бой. В голове всплывали картины: Света-подросток, я – ее дядя, я насилую ее на чердаке, антураж вокруг был вполне подходящий. Я зажимаю ей рот и мучаю до бесчувствия. Становилось сладко и страшно. Неужели я такой, как Светин дядя? Попадись мне в руки вожащенное беззащитное существо, неужели я откажусь от того, чтобы им обладать, чтобы обезволить его, убить, унижить, запереть, неужели мне хватит воли подавить свои желания? Где тот мальчик-рыцарь,

воспитанный положительными примерами. И еще более кошунственная мысль: и писатели, и государственные мужи, и отцы, и матери, все этим занимались. Что же они чувствовали, неужели только вожделение, вину, отвращение и страх, что каждый из нас – животное? Нет, наверное, я один такая ненормальная ворона.

«Ты – чудо».

«А ты – ласка».

Показалось, или это правда она сказала. «Солнышко мое».

«Скажи, мы ведь всегда будем хотя бы друзьями?»

«Друзьями? А ты знаешь, какие бывают друзья?»

И Светлана рассказала. Она шла поздно вечером по дороге от города до Поселка. Автобусы уже не ходили, вот и пришлось на своих двоих добираться домой. С одной стороны высокая крутая скала, с другой не менее крутой спуск к реке. Остановилась машина «Девушка, покатаемся?» Света была не в настроении. Она отшутилась и пошла дальше. Из машины вышли двое. Один схватил сзади за талию, другой нанес удар кулаком в челюсть. Челюсть сломалась, Света не могла больше рта раскрыть. Но она боднула державшего сзади головой, разбив ему нос, а того, что впереди, толкнула двумя ногами. Сзади хватка ослабла и Светлана прыгнула вниз, к реке. Скатилась кубарем, побрела по воде. От удара и волнения заложило уши. Шумела река, голова кружилась, челюсть болела нестерпимо. Добрела до противоположного берега. Частный сектор. Куда теперь? Вспомнила, что рядом живет друг. Мало что друг Светы – большой друг ее парня. Добрела до его дома, постучалась в окно. Зажегся свет. Парень вышел на крыльцо. Еле смогла ему объяснить, что произошло. Друг дал ей сухие вещи, пообещал сходить к соседям, позвонить и вызвать скорую. Родителей друга, кстати, не было дома. Светлана стягивала с себя мокрое белье, а друг стоял рядом и смотрел. Ей, в таком состоянии, как-то было все равно. А ему, видимо, нет, он вдруг подошел и стал гладить Светлану по голове. Девушка прикинула к другу. А друг вдруг стал снимать с нее только что надетую рубашку, взял груди и стал их больно мять. Она попыталась оттолкнуть друга. Пыталась закричать, но такая боль пронзила, что стала терять сознание, обмякла. А друг подхватил, взял на руки и понес на диван. Он шептал ей нежные слова вперемешку с ругательствами, угрозы с утешением, а она думала только об одном, чтобы во время телодвижений голова была в таком положении, чтобы не слишком было больно. А потом, конечно, всё как положено, скорая помощь, больница, скобы, уколы, соки и пюре через трубочку. И даже друг приходил с соками, ничего – взяла, надо же как-то жить и чтобы твой парень ничего не узнал.

«Ты хочешь быть другом?»

«Нет, не хочу, лучше уж быть сволочью»

«Ну, так будь. Раздень меня. Возьми голую и вынеси на мороз. Брось в снег»

«Не могу, ты замерзнешь»

«Я так хочу. Я такая грязная, я хочу быть чистой. Я хочу искупаться в снегу»

Я раздел ее, поднял на руки и понес к двери. Возле входа пришлось поставить Свету на пол, чтобы открыть дверь. Ночь была не такой уж морозной. Луна по-прежнему заливала окрестности, но уже пробиваясь сквозь ветви леска. Я осторожно положил Светлану в сугроб. Пятки жгло холодом. А Светлана даже не попыталась встать. Я медленно отступал к двери. А Света стала кататься по снегу и выть. Она загребала пригоршнями снег к себе, она кричала и билась, потом вскочила и побежала ко мне, я забежал в дом и закрылся. Она стала колотить в дверь. И тут я понял, что боюсь ее, и хочу ее и могу ее убить, и все это одновременно.

«Пусти, миленький, я сделаю, что ты хочешь... Открой, сволочь, открой, гад!»

Я открыл. Она вошла дрожа. Я накинул на нее теплые вещи, повел к печи. Хотел приобнять, но она сбросила мою руку с плеча. И именно в этот момент во мне такая пронзительная жалость скрутила все желания и мысли. Жалость, так похожая на любовь. И тут я понял, что я сильнее. Пусть плохой любовник, младше, не красавиц и ни в какое сравнение не иду с её избранником, но я сильнее, потому что мужчина, потому что быть мужчиной это отвечать и за себя и за женщину. И вообще за всех. За тех, кого любишь. За тех, кого надо любить, а ты не можешь. Быть мужчиной – это просто значит – перестать думать о себе, это перстать ставить свои проблемы в центр мироздания.

Приключения Мухина

Надо ли поддаваться соблазнам? Собственно этот вопрос можно сформулировать и шире: как надо жить? Стоит ли всё время следовать здравому смыслу, вариативным нормам морали, либо избирать всегда свой путь, который во многом путь инстинкта и сиюминутных желаний?

Выбирал ли я, Антон Мухин, себе такую простецкую судьбу, такую очень незатейливую фамилию, и такой маленький городок, чтобы родиться в нём, жить и умереть? Естественно, я выбрал бы судьбу более высокую, счастливую, взял бы псевдоним Сергей, допустим, Решетнев, и жил бы в столице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.